

Протоиерей
Виталий Головатенко

Что мы слышим
в храме,
или
Азбука церковного
пения
для прихожан

Издательство Московской Патриархии
Русской Православной Церкви
Москва • 2018

Рекомендовано к публикации
Издательским советом
Русской Православной Церкви
ИС Р18-801-0032

Головатенко Виталий, прот.

Г61 Что мы слышим в храме, или Азбука церковного пения для прихожан. — М.: Издательство Московской Патриархии Русской Православной Церкви, 2018. — 128 с.

Книга представляет собой краткое пособие по истории, сущности и системе церковного молитвенного пения. Задача её состоит в том, чтобы молящиеся за богослужением не просто пассивно воспринимали всё, что слышат, но во всякий момент совершения того или иного чинопоследования понимали, что и зачем поётся. В книге толкуются и уточняются важнейшие певческие термины и понятия. Особое внимание уделено насущным проблемам и теперешнему состоянию российского богослуженного пения. Издание адресовано самому широкому кругу читателей.

© Издательство Московской Патриархии
Русской Православной Церкви, 2018

ISBN 978-5-88017-678-6 © Головатенко В., прот., текст, 2018

В последнее время многие неравнодушные прихожане всё чаще выражают своё недоумение по поводу того, что и как поют церковные хоры в наших храмах. Вот и в одной из недавних бесед на эту тему моя собеседница — человек церковный, но немусыкальный — выразила сожаление, что в храме звучит хоровая музыка. «А почему вообще так необходимо петь в церкви? Меня это только отвлекает и мешает сосредоточиться», — сказала она. Когда же я попытался объяснить ей, что богослуженное пение призвано соединять молитвенные усилия каждого в нашей общей молитве, она ответила: «Ну так пусть это будет именно молитва, а не музыкальное произведение. Я хочу слышать чистый звук, который бы не мешал, а помогал моей молитве».

При этом она рассказала, как однажды за богослужением в одном московском храме, где пелись простые обиходные напевы, регент решил разнообразить репертуар и хор запел какое-то авторское сочинение. Тогда настоятель прервал службу и строго велел петь «нормально».

Со времён святых отцов и учителей Церкви не прекращаются споры и дискуссии о том, как

следует и как не следует петь за богослужением. И вот теперь эти выражения — «чистый звук молитвы» и «нормальное» пение — напомнили мне один знаменательный случай из прошлого.

В конце 1980-х годов, к 1000-летию Крещения Руси, фирма «Мелодия» выпустила серию грампластинок с записями церковных песнопений самых разных отечественных хоров. Среди прочего был диск с фрагментами службы Рижской старообрядческой общины. Как-то я запустил его для моей бабушки. При первых же звуках она вдруг встала, перекрестилась, поклонилась и потом стояла всё время воспроизведения, периодически крестясь и кланяясь. При этом губы её шевелились, беззвучно повторяя отчётливо звучащие слова молитв и песнопений: она молилась, словно была в храме. Когда же я, желая доставить ей ещё большее удовольствие, включил запись «Всенощного бдения» Сергея Васильевича Рахманинова, она только поморщилась.

— Не нравится? — разочарованно спросил я.

— Эти песни грають, а те молились, — был ответ.

Так в чём же тут дело? Где критерии и нормы этого «чистого звука молитвы» — пения церковного (молитвенного, «нормального»)? Давайте попробуем разобраться.

Введение: проблемы и дилеммы

Помолимся вместе или послушаем вместе?

Запись рахманиновской «Всенощной» в исполнении Государственного Русского хора под управлением А. В. Свешникова является для меня эталоном интерпретации этого шедевра, этой всё ещё недостижимой вершины русской хоровой музыки. В эпистолярном наследии Сергея Васильевича я не нашёл никаких указаний композитора относительно того, уместно ли или неуместно исполнять его хоровые произведения на литургические тексты за богослужением. Но в некоторых наших храмах звучат и его «Всенощное бдение», и «Литургия святого Иоанна Златоуста» (равно как и соответствующие хоровые циклы П. И. Чайковского, П. Г. Чайковского, А. А. Архангельского и других).

На исходе тех же 1980-х я присутствовал на одном таком богослужении в ленинградском Спасо-Преображенском соборе. И это не описка: я именно присутствовал в храме на исполнении рахманиновской «Всенощной». Молился я исключительно на ектениях («Господи, помилуй»). А в остальное время внимательно слушал пение хора, отмечая удаchi регентской интерпретации, наслаждался гармонией, мелодией, оценивал звучание хоровых и сольных голосов... Но вот

молиться при этом как-то и в голову не приходило, вышло, что я тогда посетил концерт, а не богослужение.

Возможно, кто-то скажет: ну так сам и виноват, — что тебе мешало сосредоточиться на молитве? Может, и так. Но вот свидетельство человека гораздо более сведущего в области богослужебного пения.

Не раз приходилось слышать сетования серьёзных знатоков и любителей церковного пения на то, что такой-то хор «поёт чудесно, но театрально, нецерковно»... Помню ещё отзыв одного весьма авторитетного москвича-знатока об исполнении «Разбойника [благоразумного]» артистами Московского Большого театра... со знаменитым хором Храма Христа Спасителя: «Изумительно! Бесподобно! Но... знаете, что-то не то... Что-то постороннее слышится. Даже всё настроение после [Страстных] Евангелий как рукой смыло. Театр — и всё тут! А музыкально — безупречно...» Художественность исполнения высоко оценивалась, но в то же время констатировалась и «театральность» манеры, шедшая вразрез с общим характером богослужения.

И. А. Гарднер. «Хоровое церковное пение и “театральность” в его исполнении»

Проблемы духовного возрастания

Предвижу ещё одно возражение: такого рода ситуации связаны с общим «упадком духовности», присущим исключительно нашим, «последним» временам. Но вот ещё одно свидетельство — конца IV века.

Иногда... я чувствую, что священные слова зажигают наши души благочестием более жарким, если они хорошо спеты; плохое пение такого действия не оказывает... Иногда же мне сильно хочется, чтобы и в моих ушах, и в ушах верующих не звучало тех сладостных напевов, на которые положены псалмы Давида. Мне кажется, правильнее поступал Александрийский епископ Афанасий, который (помню, мне рассказывали) заставлял произносить псалмы с такими незначительными модуляциями, что это была скорее декламация, чем пение.

И однако я вспоминаю слёзы, которые проливал под звуки церковного пения, когда только что обрёл веру мою. И хотя теперь меня трогает не пение, а то, о чём поётся, но вот это поётся чистыми голосами, в напевах вполне подходящих, и я вновь признаю великую пользу этого установившегося обычая.

Так и колеблюсь я: и наслаждение опасно, и спасительное влияние пения доказано опытом. Склоняясь к тому, чтобы не произносить бесповоротного суждения, я всё-таки скорее одобряю обычай петь в церкви: пусть душа слабая, упиваясь

звуками, воспрянет, исполняясь благочестия. Когда же со мной случается, что меня больше трогает пение, чем то, о чём поётся, я каюсь в прегрешении; я заслужил наказания и тогда предпочёл бы вовсе не слышать пения. Вот каков я!

*Блаженный Августин,
епископ Иппонийский. «Исповедь»*

Итак, по слову епископа, новоначальным бывает весьма полезно это упоение сладостными напевами, которое омывает душу слезами и тем самым очищает её. А духовно окрепшего, опытного в церковной молитве человека уже интересует не сладость напева, а священные слова молитвы.

Беда наша в том, что мы подчас забываем, как сами начинали этот путь, какими костылями и подпорками пользовались и какой младенческой пищей питались. Теперь же мы стали знающими и опытными, и нам кажется невероятным, как можно не знать одного, не уметь другого, не понимать третьего...

О совместимости духовного и душевного

Но всё-таки, как же решается эта многовековая дилемма? Как совместить ясность и чёткость священных слов богослужебных гимнов со сладостью напевов, да так ещё, чтобы и умудрённые, и новоначальные наши прихожане (то есть, в сущности, все) остались бы довольны?

Мой скромный опыт и осведомлённость в вопросах церковного пения говорят, что это невозможно. Невозможно в связи с простым и вечным постулатом: о вкусах не спорят. Да, приходится признать, что тут дело именно во вкусе: кому-то по душе (нравится, подходит, устраивает) такой-то напев или распев (икона, храм, проповедь...), кому-то — нет. И невозможно (да и не нужно) навязать всем один, пусть даже самый лучший вкус, ибо понятия о хорошем вкусе у всех разные.

Один может молиться только под строгие звуки знаменного распева, другой привык к простому народному пению, третий не может себе представить Страстную Пятницу без «Разбойника благоразумного» с басовым соло на фоне мощного хора — у каждого свой «чистый звук молитвы».

И бесполезными останутся все доводы и аргументы борцов «за чистоту» Православия (нецерковно, театрально, немолитвенно, искусительно и т. д.). Ведь непререкаемые общецерковные постановления относительно норм и критериев литургического пения практически отсутствуют. Таким образом, каждый из нас в текущий момент своего духовного развития имеет право выбора храмовой обстановки и её звукового пространства исключительно по своему личному вкусу (привычке, традиции, предпочтениям).

И в этом мне видится Промысл Божий о каждом из нас, Его детей, — свободных, живущих

и действующих по своему разумению, а не порабощённых чужими авторитетами и мнениями о подлинном и прекрасном.

Но!.. Как всегда, найдётся хоть одно «но». И это «но» будет уже не о категории вкуса, а о самом предмете вкусовых споров, точнее, о нашей конечной цели, ради которой мы так разборчивы. Вот о том, не забываем ли мы, для чего, собственно, мы ходим в храм, в наших дискуссиях о вкусах и стилях церковного пения как раз можно поспорить...

И в завершение этой темы мне хочется напомнить одно весьма древнее аскетическое предостережение. Выбирая что-то одно и предпочитая его всему прочему, не стоит при этом пытаться смешивать несмешиваемое и соединять несоединимое — духовное и душевное (богослужение и оперу). Пусть в храме все чувства и эмоции подчинятся велению духа устремиться к Богу. Пусть наша церковная молитва останется молитвой чистой, совершаемой в трезвости духа и спокойствии души, не волнуемой сладостью прекрасных мелодий и гармоний: для этого удовольствия существуют театры и концертные залы.

Но!.. Как часто бывает, вслед за одним «но» порой обнаруживается ещё одно.

Главная проблема

У старца спросили: «Отче, как следует молиться?» Старец ответил: «Молись всякий раз так, словно это твоя последняя молитва. Ведь ты не можешь знать, какая твоя молитва будет последней».

Значит, все рассуждения о том, каким должно (или не должно) быть богослуженное пение, чтобы не мешать, а помогать нашим молитвам, связаны, в сущности, не с пением, а именно с молитвой.

В самом деле, если бы моё внимание было всецело занято звучащими в храме стихами псалма — то есть если бы я не слушал их, а моллился ими, — не всё ли мне было бы равно, каким напевом их распевает хор? Ведь это же последняя моя молитва!

Таким образом, всё просто: дело не в плохом или хорошем хоре, не в церковном или нецерковном напеве, а во мне самом. Это я не понимаю, зачем сейчас поют «Иже херувимы» и почему так долго поют. Да и вообще, зачем нужно это пение во время службы?.. А иными словами, по существу, дело не в пении самом по себе, а во мне: это я не умею, ещё не научился молиться вместе со всеми за богослужением.

Давайте пока отложим изменчивое и преходящее (вкусы, стили, предпочтения) и обратимся к постоянному и неизменному: сущности

и системе богослужебного пения. Может быть, если мы найдём ответы на вопросы «зачем?» и «почему?», то станет проще ответить на вопрос «как?».

Сущность и система

Рождение церковного гимна

И, воспев, пошли на гору Елеонскую (Мк. 14, 26; Мф. 26, 30). Так единогласно два евангелиста заканчивают повествование о Тайной Вечере. Этот традиционный пасхальный ужин и поныне совершается в каждой иудейской семье, и его ритуал (чин, порядок) строго регламентирован. То был последний пасхальный ужин, а по-славянски — вечера Христа. И в конце этой Тайной Вечери Он, наполняя ветхую форму новым содержанием, впервые совершил таинство Евхаристии... Но вот что и зачем они потом воспели?

В соответствии с традицией в завершающей части пасхального ужина положено пение хвалебных псалмов: 113–117-го и 135-го. Они поются с припевом «Аллилуиа», что в переводе с иврита означает «хвалите Яхве»¹. Итак, покидая Сионскую горницу, Христос с учениками

¹ Имя Яхве (Иего́ва) переводится как Сущий, Существующий, то есть Бог. На иконах Спасителя его часто пишут по-гречески: ὁ ὄν.

воспели хвалебные псалмы, благодаря Бога. В память об этом и сегодня после Причащения поётся благодарственный 33-й псалом «Благодарю Господа на всякое время»¹.

В греческом тексте у евангелистов Марка и Матфея русскому слову «воспев» соответствует глагол *hymnéō*. Но почему именно он? Казалось бы, говоря о псалмопении, логичнее было бы употребить глагол *psállō*, родственный существительному «псалом». Но дело в том, что псалмы бывают не только хвалебные: среди них есть и покаянные, и просительные-молитвенные, и нравственно-учительные. А вот глагол *hymnéō* означает именно торжественное, хвалебное воспевание, славословие.

В христианский литургический обиход слово «гимн» вошло очень рано. Оно встречается уже в Посланиях апостола Павла: *Назидая самих себя псалмами и славословиями [hýmnos], и песнопениями духовными, поя и воспевая в сердцах ваших Господу* (Еф. 5, 19) и *Слово Христово да вселяется в вас обильно, со всякою премудростью; научайте и вразумляйте друг друга псалмами, славословием [hýmnos] и духовными песнями, во благодати воспевая*

¹ Обычай после Причащения благодарить Бога пением 33-го псалма восходит к глубокой христианской древности: одно из самых ранних упоминаний о нём содержится в памятнике IV века — Апостольских постановлениях, кн. VIII, гл. 13.

в сердцах ваших Господу (Кол. 3, 16)¹. Несколько позже, в начале V века, блаженный Августин утвердил его употребление в новом, христианском контексте. В Толковании на 17-й стих 148-го псалма он пишет: «Гимн — это хвалебная песнь Богу... Это единство троих: пения, хвалы и Бога. Поэтому восхваление Бога песнью называется гимном»².

С тех пор всякое богослужбное молитвословие (молитва), предназначенное для пения, именуется **гимном**, по-славянски — **песнью**, а также песнопением. Обратите внимание на разницу схожих русских слов: песнь (песнопение) — церковный гимн и песня — светское или народное (мирское, нецерковное) музыкально-поэтическое сочинение, соответствующие им прилагательные — **песенный** и **песенный**.

Пение за богослужением

С первохристианских времён церковное богослужение включает в себя четыре составляющие:

- чтение Священного Писания;
- проповедь (толкование прочитанного и поучение);
- вознесение молитв (молитвословие);

¹ В указанных стихах наряду с гимном упоминаются ещё два жанра — псалом и песнь духовная.

² Перевод мой. — В. Г.

- молитвенное пение (песно-пение, то есть пение гимнов)¹.

На протяжении той или иной службы эти элементы то чередуются, то переплетаются, то сливаются воедино, выстраиваясь в определённый порядок — **чинопоследование**. Но ни одно, даже самое краткое чинопоследование не обходится без пения. Поэтому когда встарь хотели сказать, что в храме не совершается богослужение, говорили просто: «Эта церковь стоит без пения».

Так почему же столь необходимо петь за богослужением?

Начнём с простой аналогии. Когда проводится некое важное или торжественное светское мероприятие, то практически всегда оно сопровождается пением соответствующего официального (или неофициального) гимна — страны, города, партии, государственного или частного учреждения (организации), спортивного (или иного) клуба, армейского подразделения и т. п.

Для чего это делается? Очевидно, для того, чтобы в совместном, общем пении поднять дух собравшихся, сплотить их воедино, побудить к определённым действиям, призвать к достижению некой общей цели. И это очень и очень древняя практика...

¹ См., напр.: Апостольские постановления, кн. II, гл. 54.

«Нам песня строить и жить помогает» — этот поэтический постулат отражает истину о народном обычае коллективного исполнения песен за общей работой. В фольклористике такие песни именуются трудовыми.

Наконец, если собирается тёплая компания земляков, друзей, единомышленников — за столом, у костра, в вагоне поезда, да ещё и гитара есть, — почему так легко и непринуждённо тогда всем поётся?.. Потому что в этих и подобных ситуациях осознанно или бессознательно включается и работает механизм воздействия музыки на коллективное сознание.

Общее пение, совместное музицирование, дружное скандирование одного слова или краткого оборота организуют собравшихся музыкальным ритмом, создавая вторичный ритм — эмоциональный, способствующий единению. Возникает ощущение единодушия и сплочённости.

А теперь вспомните возглас предстоятеля молитвенного собрания на главном христианском богослужении — Божественной литургии: «И даждь нам едиными усты и единым сердцем славить и воспевати пречестное и великолепое имя Твое — Отца и Сына и Святаго Духа»¹. Так

---

¹ Ср.: Рим. 15, 5–7: *Бог же терпения и утешения да дарует вам быть в единомыслии между собою, по учению Христа Иисуса, дабы вы единомышленно, едиными устами славите Бога и Отца Господа нашего Иисуса Христа;*

в единстве славословящих Бога уст рождается единство призывающих Его сердец.

Совместное молитвенное пение, воспевающее и призывающее Бога, — это великая сила: *Получив такое приказание, он (тюремщик) ввергнул их (апостолов) во внутреннюю темницу и ноги их забил в колоду. Около полуночи Павел и Сила, молясь, воспевали Бога; узники же слушали их. Вдруг сделалось великое землетрясение, так что поколебалось основание темницы; тотчас отворились все двери, и у всех узы ослабели (Деян. 16, 24–26).*

Гимнология и гимнография

Научная дисциплина, изучающая церковные гимны, получила наименование гимнологии. Итак, **гимнология** — это наука о богослужбном пении.

В общей иерархии церковно-богословских научных дисциплин гимнология не является наукой самостоятельной, автономной. Ибо предмет её исследования составляет то пение, которое есть прежде всего пение богослужбное. И так как оно обеспечивает процесс храмового богослужения, то вполне зависит от порядка и правил последнего. Поэтому и изучающая литургическое пение гимнология является вспомогательной

Деян. 4, 32: *У множества же уверовавших было одно сердце и одна душа.*

дисциплиной общей науки о совершении богослужения — **литургики**. А песнопения (или гимны), исполняемые за богослужением, в связи с этим именуется богослужебными или литургическими.

В течение двухтысячелетнего периода бытия Церкви Христовой её **гимнографами** (по-славянски — **песнопісцами**) было создано великое множество песнопений. Одни из них прославляют Бога Троицу, Божию Матерь, лики ангелов Господних и соборы святых Его. Другие восхваляют великие и славные дела Божии по спасению человечества от силы зла. Третьи воспевают красоту и благолепие мироздания...

Значительную часть церковных гимнов составляют также догматические (вероучительные), пророческие, мистико-созерцательные, аскетические (наставительные и тайноводственные), покаянные, просительные, благодарственные, а также заупокойные. При этом одни пронизаны светом радости и ликованием, другие пропитаны горечью скорби и плачем. Иные же, напротив, — эмоционально сдержанны и строги. Но практически все они завершаются выражением главного: нашей надеждой на спасение и славословием бесконечного милосердия Отца Небесного и Его Любви к нам, грешным.

Древнее искусство **гимнографии** было синкретическим, то есть не подразделялось на собственно поэзию (искусство стихосложения)

и **мелургию** (искусство сочинения мелодий). Тогда гимнографы были одновременно и стихотворцами, и **мелургами** (композиторами), а также исполнителями своих творений, подобно древним аздам или теперешним бардам (на Руси их звали баянами, позже песенниками, также песельниками). Например, прославленного византийского мастера церковного песнопения VI века преподобного Романа прозвали Мелодом, по-славянски — Сладкопевцем. Он был, что называется, автором-исполнителем, сочиняя стихи и напевы своих литургических поэм и воспевая их за богослужением в Великой Церкви — храме святой Софии Константинопольской.

Но далеко не все древние гимны прошли проверку временем. Многие из них либо вообще утрачены, либо сохраняются лишь в некоторых древних рукописях.

Те же, которые с глубокой древности были удержаны богослужебной традицией, сегодня звучат уже совсем не так, как звучали когда-то. И если их слова на всём протяжении своего бытования по большей части оставались прежними, то их напевы из века в век постоянно и безвозвратно изменялись в соответствии с эстетическими нормами той или иной национальной культуры в её текущей исторической эпохе, тому или иному художественному стилю, вкусу или направлению в музыке.